

ЕВА РЕЙН

Лада

Иногда уход и есть
единственный способ
перестать мучить друг друга.

22:47

Лада

Ты сейчас слишком уязвима,
чтобы принимать окончательные
решения. Сначала поговори
с мужем.

22:49

*Лады никогда
не существовало*

ИЗМЕНА.

*Ты повоспал
ко мне любовницу*

ОНИ ЧИТАЛИ МОИ ПРИЗНАНИЯ.
ОНИ УПРАВЛЯЛИ МОИМИ ЧУВСТВАМИ.
ТЕПЕРЬ Я ПИШУ СВОЮ ИСТОРИЮ САМА.

Ева Рейн

Измена! Ты подослал ко мне любовницу

<https://litres.ru/74484194>

Аннотация

Двадцать два года я прожила с мужчиной, которому доверяла больше, чем самой себе. А когда наш брак начал рушиться, у меня появилась Лада — незнакомая женщина с форума, которая умела успокаивать, советовала не делать выводов на эмоциях и раз за разом убеждала меня дать мужу ещё один шанс.

Я рассказывала ей всё. Как плачу по ночам. Как боюсь, что Константин мне изменяет. Какие слова хочу от него услышать. Какие его поступки причиняют мне боль. Лада стала единственным человеком, перед которым мне не приходилось оправдывать ни мужа, ни себя.

Пока однажды я не увидела переписку Константина с его любовницей.

«Она опять плачет. Что ей написать?»

Лады никогда не существовало.

Под её именем со мной разговаривали любовница моего мужа и сам Константин. Они читали мои признания, обсуждали мои страхи, подбирали правильные слова и потом приносили мне рассчитанную нежность — цветы, кофе, воспоминания, заботу.

Всё, что я принимала за попытки спасти наш брак, оказывалось частью чужого сценария.

Только они допустили одну ошибку.

Теперь я знаю правду.

А они ещё не знают, что я знаю.

И впервые за двадцать два года никто больше не будет объяснять мне, что я должна чувствовать, кого любить и почему мне снова нужно остаться.

Содержание

Глава 1. Она опять плачет	5
Глава 2. Женщина, которой никогда не было	33
Глава 3. Идеальный муж по инструкции	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1. Она опять плачет

К девяти вечера культурный центр окончательно переставал притворяться местом, в котором кипит жизнь. Ещё час назад в коридорах толкались люди, возле гардероба стояла привычная очередь из нетерпеливых женщин, раздражённых мужчин и детей, успевших за полтора часа мероприятия устать от искусства куда больше, чем взрослые; из большого зала доносились аплодисменты, кто-то громко искал потерянный шарф, а пожилая посетительница требовала найти женщину, которая сидела перед ней в третьем ряду и всё выступление заслоняла сцену огромной причёской. Теперь остались только запах пыльных кулис, остывшего кофе из пластиковых стаканчиков и влажной осенней одежды, которую успели просушить батареи. Дежурная уборщица катала по первому этажу ведро на колёсиках, откуда пахло дешёвым лимонным средством, а последние сотрудники расходились по домам, бросая Алле пожелания доброй ночи с той особенной интонацией, которой люди дают понять начальнице: мы всё сделали, теперь будь человеком и тоже уходи.

Алла Вершинина человеком быть пока не собиралась. Она сидела в маленькой служебной комнате за сценой, куда обычно складывали папки с программами, коробки с рекламными буклетами и вещи выступающих, которые те потом месяцами забывали забрать, и смотрела на телефон, ле-

жавший экраном вниз на краю стола. На спинке соседнего стула висел её тёмно-зелёный жакет, снятый ещё в середине мероприятия, потому что в зале было душно. На столе стоял бумажный стакан с кофе, давно превратившимся в холодную горькую жидкость, и Алла раз за разом подносила его ко рту скорее по привычке, чем из желания выпить. Горло всё равно было сжато так сильно, что даже этот мерзкий кофе проходил с трудом. Плакать она перестала минут десять назад, но кожа под глазами неприятно стянулась, и Алла понимала, что дома Константин обязательно это заметит, если, конечно, сегодня вообще удостоит её достаточно долгого взгляда.

Телефон лежал молча. Это раздражало сильнее, чем если бы он звонил без остановки. Примерно в семь Константин коротко сообщил, что задержится, и на её обычный вопрос «надолго?» ответил тем самым голосом, от которого последние месяцы хотелось либо немедленно извиниться, либо ударить мужа чем-нибудь тяжёлым. Не раздражённо даже. Усталость в его голосе была хуже раздражения, потому что в ней Алла всегда оказывалась очередной проблемой, навалившейся на несчастного человека после трудного рабочего дня.

— Алл, я не знаю, — сказал тогда Константин, и она слышала, как где-то рядом с ним хлопнула автомобильная дверь. — Правда не знаю. Часа на два, может, больше. Я тебе написал, чтобы ты не ждала, зачем опять превращать это в допрос? — Последняя фраза прозвучала уже тише, почти

примирительно, будто муж заранее предоставлял ей возможность одуматься и не начинать ссору.

Алла помнила, что ответила тогда совершенно спокойно. Она даже посмотрела вокруг, прежде чем заговорить, потому что рядом в коридоре проходили две сотрудницы, и ей совершенно не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал, как директор культурного центра, сорокапятилетняя взрослая женщина, выясняет по телефону, почему муж в третий раз за неделю возвращается после десяти. Она сказала только, что не устраивает никакого допроса и просто хотела знать, готовить ли ужин. На том конце возникла пауза, затем Константин тяжело выдохнул и произнёс, что он поест где-нибудь сам. Вот и всё. Никакого скандала, никаких обвинений, никакого повода заператься в подсобке и реветь над коробкой старых программ прошлогоднего фестиваля.

Но именно это Алла и сделала минут через двадцать. Видимо, организм устал согласовывать свои реакции со здравым смыслом и решил действовать самостоятельно. Она спряталась здесь после мероприятия, закрыла дверь, прислонилась лбом к прохладной металлической полке и некоторое время просто стояла, пока из глаз не потекли слёзы. Не рыдала, не всхлипывала, не била кулаками стену, как делают женщины в плохих сериалах, когда узнают о смертельной болезни или измене. Она плакала тихо и совершенно безобразно, с заложенным носом, с постоянно сбивающимся дыханием и раздражением на саму себя, потому что ровно ни-

чего нового сегодня не произошло. Константин задержался. Он разговаривал холодно. Она снова почувствовала себя навязчивой. За последний год это случалось столько раз, что можно было бы уже завести календарь и отмечать особенно удачные дни красным кружком.

Алла перевернула телефон экраном вверх. В мессенджерах ничего нового не было. Константин больше не писал, Инна молчала уже почти неделю после их последнего натянутого разговора, а рядом с маленьким значком форума висела цифра один — не сообщение, всего лишь уведомление о новой теме. Алла смотрела на этот значок несколько секунд, прекрасно понимая, чего хочет. Лада почти всегда была там вечерами. Иногда отвечала через пять минут, иногда через полчаса, но обычно появлялась именно тогда, когда становилась нужнее всех остальных людей. Наверное, потому Алла и позволила этой странной дружбе зайти так далеко. Человеку ужасно легко привыкнуть к тому, кто никогда не заставляет ждать в самые мерзкие минуты жизни.

Она открыла приложение. Анонимный форум выглядел невзрачно: белый фон, серые строчки, бесконечная лента женских историй, из которых половина начиналась одинаково — «никогда не думала, что напишу сюда». Алла когда-то тоже начала почти так же и потом долго стеснялась собственной банальности. Её первая публикация появилась чуть больше года назад, поздней ночью, когда Константин впервые не пришёл домой до двух и на все звонки отвечал

короткими сообщениями. Именно под той историей появилась Лада. Сначала оставила комментарий, потом предложила перейти в личную переписку, а дальше всё каким-то образом произошло само собой, без торжественного момента, после которого можно было бы сказать: вот теперь мы стали близкими. Одна женщина начала писать другой, потому что не могла уснуть. Другая ответила. Потом ответила снова. Через месяц Лада знала о браке Аллы больше Инны, а ещё через несколько месяцев — пожалуй, больше самой Аллы.

Пальцы зависли над клавиатурой. Она уже слышала возможный ответ подруги заранее: не делай выводов, когда устала; не пытайся решить двадцать два года брака одним вечером; ты сейчас смотришь на всё через страх. Лада умела говорить вещи, которые раздражали ровно до того момента, пока не становилось легче. Иногда Алла даже злилась на неё, потому что хотелось не разумного ответа, а простого человеческого: «Да, он сволочь, ты права». Но потом наступало утро, Константин оказывался дома, делал кофе, спрашивал, как прошёл день, и советы Лады начинали казаться мудрее собственной ночной истерики.

Она написала не сразу. Удалила первую фразу, вторую, потом всё-таки набрала: «Я опять плачу. Смешно даже. Ничего не случилось, он просто задерживается, а я уже не понимаю, действительно ли со мной что-то не так. Может, я сама превращаю каждый его поздний вечер в доказательство того, чего нет». Алла остановилась, перечитала и почувство-

вала знакомый стыд. В сорок пять лет жаловаться незнакомой женщине на мужа было как-то особенно унижительно, словно возраст автоматически должен снабжать человека и мудростью, и достоинством, и умением спокойно наблюдать, как разваливается его жизнь.

Она добавила ещё одну строчку: «Он сказал, что я опять устраиваю допрос. Я спросила только, когда его ждать. Лад, скажи честно, я уже действительно душу его?». Сообщение ушло, возле него появился маленький серый значок доставки. Алла положила телефон на стол, почти сразу схватила снова и снова отложила. Ответа не было. Ничего удивительного, Лада не обязана сидеть у экрана круглые сутки только потому, что у очередного Константина очередной важный вечер, но маленькое раздражение всё равно появилось. Вот же мерзкая человеческая привычка: стоит один раз получить помощь в нужный момент, как начинаешь считать её гарантированной услугой.

В дверь постучали, и Алла вздрогнула так, будто её застали за чем-то постыдным. В комнату заглянула Галина Петровна, администратор вечерней смены, уже в пальто и с огромной сумкой, с которой она ходила на работу столько лет, что сумка давно должна была получить собственный пропуск.

— Аллочка, мы всё закрыли, кроме бокового входа, — сообщила она, придерживая дверь ладонью. — Ты долго ещё? Я могу охране сказать, что ты остаёшься, а то они потом бу-

дут ходить за тобой и вздыхать, будто ты им лично мешаешь состариться.

— Я уже ухожу, Гал Петровна, — ответила Алла, быстро убирая телефон в сумку. Она постаралась улыбнуться и увидела, как администратор задержала взгляд на её лице, но, к счастью, ничего не спросила. — Пять минут, проверю почту и тоже домой. Вы идите, вам ещё через весь город ехать.

— И тебе, между прочим, тоже, — Галина Петровна нахмурилась, потом всё же позволила себе ту степень заботы, на которую имеют право женщины старше шестидесяти. — Ты совсем себя не бережёшь последнее время. Всё мероприятие на ногах, потом сидишь здесь одна. Муж-то хоть кормит тебя дома или опять твой знаменитый творог из холодильника?

Алла невольно рассмеялась, и смех получился достаточно настоящим, чтобы лицо администратора разгладилось. Она ответила что-нибудь про собственную любовь к творогу, дождалась, пока Галина Петровна уйдёт, и только потом позволила улыбке исчезнуть. Константин когда-то действительно ругался из-за её привычки ужинать чем попало. Мог специально поставить перед ней тарелку, отрезать хлеб, сказать, что нормальный человек не должен питаться кофейной гущей и нервами. Сейчас это воспоминание неожиданно отозвалось где-то под рёбрами болезненным теплом, потому что было настоящим. Наверное, настоящим. Алла всё чаще ловила себя на этом ненавистном уточнении.

Она выключила свет, забрала жакет и вышла в пустой коридор. Каблуки негромко стучали по плитке, звук растекался по зданию, которое всего час назад казалось слишком маленьким для всей толпы. У главного зала ещё пахло человеческим теплом, сцена за закрытыми дверями остывала после прожекторов, а на подоконнике кто-то забыл детскую бумажную корону, оставшуюся от выступления. Алла машинально взяла её и отнесла на стойку администратора, потому что иначе утром уборщица выбросит. Именно этим она занималась последние двадцать с лишним лет своей жизни — находила чужие потерянные вещи, договаривалась, чтобы никому не было обидно, возвращала на место то, что случайно оказалось не там. Вот только с собственным браком этот навык почему-то не работал.

На улице шёл мелкий осенний дождь. Не настоящий ливень, а неприятная водяная пыль, от которой зонт вроде бы не нужен, но через десять минут волосы становятся влажными, а пальто покрывается мелкими тёмными точками. Алла дошла до машины, села, закрыла дверь и некоторое время не заводила двигатель. Внутри пахло старым автомобильным ароматизатором и яблоками: утром она купила пакет и забыла унести домой. Одно яблоко выкатилось из пакета и лежало под пассажирским сиденьем, такое красное и круглое, что в другой день Алла обязательно полезла бы за ним. Сегодня пусть лежит. Пусть хотя бы что-нибудь в её жизни находится не на своём месте совершенно официально и без необходи-

мости срочно это исправлять.

Телефон мигнул уведомлением. Лада ответила. Алла открыла сообщение ещё до того, как успела подумать, стоит ли читать его сейчас.

«Ты не душишь его одним вопросом. Но ты задаёшь его не первый раз, и Константин, скорее всего, слышит за простым “когда ты будешь?” всё то, о чём вы спорили раньше. Это не делает тебя виноватой. И его не делает автоматически виноватым в том, чего ты боишься. Ты сейчас устала, плакала, день был тяжёлый. Не принимай решений сегодня. Доедь домой, выпей воды, ляг. А завтра посмотришь на всё спокойнее».

Алла перечитала дважды. Потом появился второй короткий абзац, и она почти улыбнулась, увидев знакомую интонацию Лады: «И перестань уже называть себя сумасшедшей. Я запрещаю. У тебя и без того муж любит использовать это слово без самого слова».

Вот за это Алла её и любила. За возможность сначала получить неприятную правду, а потом маленький человеческий жест, который не давал правде превратиться в холодное наставление. Она набрала: «Спасибо. Еду домой», но отправлять не стала. Просто закрыла приложение, завела машину и выехала с парковки.

Дорога заняла почти сорок минут. Вечерний город уже опустел, мокрый асфальт отражал фонари длинными жёлтыми полосами, дворники лениво размазывали капли по стек-

лу. Алла ехала медленно, слушая негромкую музыку, но через несколько минут выключила радио. Там играла старая песня, под которую они с Константином когда-то танцевали на кухне в первой квартире, и сегодня такая случайность казалась уже чрезмерной. Мир иногда обладал отвратительным чувством юмора и особенно любил демонстрировать его людям, которым и без того есть чем заняться.

Возле дома места почти не было, но автомобиль Константина Алла не увидела. Это почему-то принесло одновременно облегчение и новую тревогу. Она поставила машину у соседнего подъезда, забрала сумку, вспомнила про яблоки, вернулась и всё-таки вытащила пакет с заднего сиденья. Красное яблоко под креслом осталось лежать. Дома в окнах соседей горел свет, на первом этаже кто-то жарил лук, и запах тянулся даже в подъезд. Алла поднялась на лифте, вошла в квартиру и первым делом услышала тишину.

Она вообще только в последний год поняла, насколько поразному звучит пустая квартира. Бывает спокойная тишина, когда знаешь, что человек скоро вернётся и просто пользуешься редким одиночеством. Бывает утренняя, сонная тишина, пока второй ещё спит. Бывает обиженная, после ссоры, когда двое ходят по одним комнатам и старательно не встречаются. Сейчас тишина была ожиданием. В прихожей висела куртка Константина, которой он не пользовался последние дни, стояли его старые кроссовки, на полке лежали ключи от гаража. В доме находилось множество доказа-

тельств его существования, кроме самого человека.

Алла сняла пальто, поставила пакет с яблоками на кухне и включила свет. На столе осталась утром вымытая чашка Константина. Он любил одну и ту же — тёмно-синюю, с маленьким сколом у ручки, хотя Алла несколько раз пыталась её выбросить и купить новую. «Не трогай, она правильно лежит в руке», — говорил он. Двадцать два года брака прекрасно учат человека принимать чужие странности. Иногда даже слишком хорошо.

Она переоделась в домашние брюки и мягкую кофту, собрала волосы в хвост, потом распустила, потому что резинка тянула кожу на висках. Есть не хотелось. Алла открыла холодильник, без интереса посмотрела внутрь и закрыла обратно. Галина Петровна была права: знаменитый творог действительно находился на месте. Можно было бы написать Константину, спросить ещё раз, когда он будет, но после разговора в центре это выглядело почти унижением. Он сам придёт. В конце концов, это и его дом тоже. Пока ещё.

Последнее уточнение возникло совершенно неожиданно. Алла даже замерла посреди кухни, держа ладонь на столешнице. Пока ещё. Откуда взялись эти два слова? Она ведь не решила ничего. Лада права: нельзя превращать плохой вечер в приговор двадцатидвухлетнему браку. Может быть, никакой измены нет. Может быть, есть только работа, усталость, возраст, накопленные обиды и её собственный страх, который за последний год разросся до размеров отдельного жиль-

да и теперь занимал в квартире больше места, чем Константин.

Чтобы не думать, Алла решила включить что-нибудь фоном. Телевизор в гостиной последнее время раздражал её слишком громким звуком, поэтому она взяла со стеллажа старый планшет. Им пользовались оба, хотя в основном Константин: утром он искал там какой-то адрес, потому что телефон стоял на зарядке. Алла помнила, как муж сидел за кухонным столом, шурился в экран и ругался, что устройство скоро окончательно превратится в разделочную доску. Она ещё ответила, что нормальные люди иногда обновляют технику, а Константин сказал, что нормальные люди не выбрасывают вещи, которые работают. Обычный разговор. Настолько обычный, что сейчас воспоминание о нём даже немного успокоило.

Планшет включился не сразу. Алла прошла в гостиную, села на диван, поджала под себя ноги и дождалась, пока загрузится экран. На заставке была фотография пятилетней давности: они с Константином у моря. Муж тогда обгорел в первый же день, хотя Алла предупреждала не лежать на солнце три часа подряд, и на снимке его нос был смешно красным. Она держала его за руку и шурилась от света. Оба выглядели счастливыми. Не идеально молодыми, не рекламно красивыми, а просто счастливыми людьми, которые ещё совершенно не знают, что однажды один из них будет сидеть ночью на диване и разглядывать эту фотографию как свиде-

тельство в непонятном деле.

Алла провела пальцем по экрану и уже хотела открыть приложение с фильмами, когда наверху всплыло уведомление. Женское имя она увидела раньше текста.

Кира.

Ничего особенного в имени не было. Алла знала двух Кир по работе, одна занималась детскими мероприятиями в соседнем районе, другая несколько лет назад выступала у них с вокальным коллективом. Но уведомление пришло в аккаунт Константина, который он, видимо, забыл закрыть утром, и текст под именем был настолько странным, что Алла прочитала его дважды.

«Она опять плачет. Что ей написать?»

Первой мыслью было совершенно нелепое: у Константина есть какая-то знакомая психолог, которая обсуждает с ним клиентку. Мысль продержалась секунды две, не больше. Потом Алла вспомнила, чем занимается её муж, и сама поразилась отчаянной способности собственного сознания защищать привычный мир даже ценой откровенной глупости.

Она не прикоснулась к экрану. Уведомление висело несколько секунд, затем исчезло. Алла сидела неподвижно, чувствуя, как пальцы, державшие планшет, начинают холодеть. Сердце не ударило сильнее, как бывает в книгах. Наоборот, оно будто провалилось куда-то вниз и стало биться там тяжело и медленно, заставляя неприятно пульсировать живот.

Через несколько секунд появилось новое уведомление. На этот раз сообщение было от Константина. Видимо, планшет показывал всю переписку синхронизированного аккаунта, включая его собственные ответы.

«Как обычно. Скажи, что страх ещё ничего не доказывает. Я куплю цветы».

Алла смотрела на строчку долго. Очень долго. Настолько, что экран начал темнеть, и ей пришлось коснуться его пальцем, чтобы не погас. Страх ещё ничего не доказывает. Почти то же самое несколько минут назад написала ей Лада. Не дословно, но достаточно близко, чтобы что-то внутри Аллы медленно, с отвратительным скрежетом сдвинулось с привычного места.

Она открыла уведомление.

Переписка появилась сразу. Обычный диалог двух людей, без каких-нибудь романтических сердечек, без фотографий обнажённой женщины, без признаний, которые могли бы мгновенно объяснить всё. Вверху стояло имя Кира, ниже шли сообщения. Алла сначала увидела сегодняшние.

Кира: «Она пишет, что спрашивала только про ужин. Говорит, ты опять сделал из неё истеричку».

Константин: «Я ничего не делал. Она сама себя накручивает».

Кира: «Что отвечать?»

Константин: «То же самое, что обычно. Не поддакивай про измену. Она после этого ещё больше заведётся».

Алла перестала дышать. Потом всё-таки втянула воздух, слишком резко, и в груди заболело. Она перечитала строчки. Слово «она» не обязано означать Аллу. В мире существовало несколько миллиардов женщин, многие из которых сегодня наверняка плакали, спрашивали мужей про ужин и подозревали измену. Это можно было бы принять за совпадение, если бы следующее сообщение Киры не содержало текст, который Алла отправила Ладе меньше часа назад.

Тот самый. Слово в слово.

«Я опять плачу. Смешно даже. Ничего не случилось, он просто задерживается, а я уже не понимаю, действительно ли со мной что-то не так...»

Дальше текст обрывался из-за длины сообщения, но этого было достаточно. Алла узнала каждую букву. Даже нелепое «Лад, скажи честно», которое писала со слезами на лице в служебной комнате.

Она уронила планшет на диван. Не швырнула, не отбросила — просто пальцы разжались сами, и устройство мягко упало на подушку. Алла смотрела на него так, будто внутри лежало что-то живое и опасное. Во рту стало сухо. Она сглотнула, но слюны почти не было. Потом неожиданно захотелось в туалет, настолько резко и неуместно, что мысль вызвала почти истерический смешок. Тело, как обычно, обладало собственным мнением о величии человеческой трагедии.

Алла встала, сделала два шага и остановилась. Нельзя ухо-

дить. Экран погаснет, аккаунт может закрыться, Константин может заметить что-то на телефоне. Она ещё ничего не понимает. Нет, понимает. Именно это и было страшнее всего.

Алла снова села и открыла переписку.

Она листала вверх медленно, иногда останавливаясь. Сначала попадались совершенно обычные вещи. Кира спрашивала Константина, купил ли он билеты. Он отвечал, что нет. Они обсуждали ресторан. Потом внезапно между этими сообщениями появлялась Алла.

Кира: «Сегодня она опять про Инну».

Константин: «Что именно?»

Кира: «Та сказала ей, что нормальные мужья не прячут телефон».

Константин: «Скажи, что Инна переносит свой развод на неё. Только мягко».

Алла закрыла рот ладонью. Инна. Она помнила этот разговор. Подруга действительно сказала такое месяцев восемь назад, когда они сидели в кафе после работы. Алла тогда обиделась. Не на Константина — на Инну. Потом написала Ладе, а та очень осторожно объяснила, что женщина после тяжёлого развода может сама не замечать, как видит угрозу в чужих браках. Алла несколько дней думала об этом и в конце концов сама стала реже звонить Инне.

Она листнула выше.

Кира: «Она хочет поговорить с тобой вечером».

Константин: «О чём?»

Кира: «Пишет, что ей не хватает простого ощущения, что ты её видишь. Её слова».

Константин: «Хорошо. Сегодня я сам».

Пауза в переписке составляла почти сутки. Потом Кира написала: «Ну?»

Константин ответил: «Успокоилась».

Дата ударила сильнее текста. Алла прекрасно помнила тот вечер. Константин приехал за ней к центру, хотя она не просила. Привёз кофе, стоял возле машины под мокрым снегом и сказал: «Мне кажется, последнее время я совсем перестал видеть, как тебе тяжело». Она тогда заплакала прямо в машине, но это были счастливые слёзы. Потом они поехали ужинать. Алла ещё написала Ладе ночью, что, кажется, всё-таки придумала половину проблем сама.

Она почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

— Господи, — сказала Алла вслух, и собственный голос прозвучал в комнате чужим. Она тут же посмотрела в сторону прихожей, будто Константин мог уже стоять там, хотя дверь оставалась закрытой, а из коридора не доносилось ни звука. — Господи...

Плакать почему-то не получалось. В культурном центре она рыдала из-за двух холодных фраз мужа, а теперь сидела перед доказательством чего-то настолько огромного, что слёзы оказались слишком маленькой реакцией.

Алла взяла свой телефон. Пальцы дрожали, и она несколько раз промахнулась по значку камеры. Фотографировать от-

дельные сообщения показалось бессмысленным, переписка была слишком длинной. Она включила запись экрана на собственном телефоне и направила камеру на планшет, потом поняла, что делает глупость: запись экрана снимает экран телефона, а не всё вокруг. Пришлось выключить, открыть обычную камеру и перейти на видео. Никаких красивых и разумных действий. Она путалась, роняла телефон на колени, ругалась шёпотом и чувствовала себя старухой, впервые увидевшей технику.

Наконец получилось. Алла начала медленно листать диалог, снимая всё подряд. Кира, Константин, сообщения Аллы, советы Лады, даты. Она не пыталась пока понять. Просто сохраняла. В какой-то момент встретила фотография Киры: женщина сидела за столиком ресторана, повернувшись к камере. Тёмные волосы до плеч, спокойное красивое лицо, лет тридцать пять, может, чуть больше. Ничего вызывающего. Никаких красных ногтей, хищного декольте и прочих удобных признаков любовницы, которые могли бы сделать ситуацию хоть немного проще. Обычная живая женщина улыбалась человеку, державшему камеру.

Под фотографией было сообщение Константина: «Красивая».

Ответ Киры: «Скажи лучше, когда снова сможешь остаться».

Алла остановила видео.

Вот оно.

До этого момента существовала хотя бы крошечная, жалкая возможность придумать объяснение Ладе. Странная психологическая игра, чья-нибудь семейная терапия, безумный эксперимент — всё что угодно. Теперь никакой возможности не осталось. Женщина, которая больше года слушала Аллу по ночам, спрашивала её мужа, когда он снова сможет остаться у неё.

Алла продолжила снимать.

Они не обсуждали секс подробно, и за это она неожиданно почувствовала почти благодарность. Видимо, человеческое сознание, загнанное в угол, радуется любой милости. Были фразы о встречах, гостинице во время какой-то поездки, вечера у Кире, после которого Константин писал, что утром вернётся раньше. Алла вспомнила то утро. Муж тогда пришёл около шести, лёг рядом, пах душем и каким-то незнакомым шампунем. Она спросила, где он был, и получила долгую речь о том, что взрослому мужчине не хочется отчитываться за каждый час.

А потом написала Ладе.

Алла нашла и это.

Кира переслала Константину её сообщение: «Мне стыдно, но я нюхала его рубашку. Там другой запах. Я уже схожу с ума?»

Константин ответил через семь минут: «Только не говори ей, что это нормально. Уведи в сторону тревожности. Завтра я сам поговорю».

Ниже Кира написала: «Ты страшный человек иногда».

Он ответил: «Зато эффективный».

Алла остановилась. На этот раз слёзы всё-таки пришли, но странные — глаза просто наполнились водой, которая стала медленно стекать по щекам. Она не всхлипывала. Даже лицо почти не изменилось. Только смотрела на слово «эффективный».

Так вот как называлось их двадцатидвухлетнее супружество в последние месяцы. Эффективность.

Она снова включила запись. Нужно закончить. Позже можно будет падать, рыдать, бить посуду или звонить Инне среди ночи. Сейчас нужно сохранить всё, пока существует доступ. Константин мог приехать через пять минут. Через десять. Через час. Он мог прямо сейчас посмотреть на телефон и видеть, что планшет активен. Алла не знала, как всё это работает, а значит, должна торопиться.

Она снимала ещё минут двенадцать. Чем дальше уходила в прошлое, тем хуже становилось. Оказалось, Константин не сразу писал из аккаунта Лады сам. В ранних сообщениях Кира пересказывала ему разговоры. Потом он всё чаще предлагал точные формулировки. Позже появилось короткое: «Дай пароль, я сам отвечу, пока ты занята». Ещё через месяц подобные фразы исчезли вовсе — видимо, пароль уже был у него постоянно.

Алла вдруг поняла, что часть сообщений, которые она перечитывала иногда перед сном, могла быть написана её му-

жем.

Лада говорила ей не бояться.

Лада советовала дать Константину время.

Лада однажды написала: «Он не выглядит человеком, который хочет уйти от тебя».

Алла тогда лежала рядом с мужем, пока тот спал, и читала эту фразу со светящимся телефоном в руках.

Возможно, Константин написал её сам.

От этой мысли Алла наконец согнулась пополам. Телефон едва не выпал, пришлось положить его на стол. Она прижала ладонь к животу и несколько секунд сидела так, пытаясь не вырвать прямо на ковёр. В комнате стало душно. Хотелось открыть окно, но даже движение до окна казалось слишком сложным.

В прихожей повернулся ключ.

Алла вскинула голову.

Звук был совершенно обычным. Металл вошёл в замок, один оборот, второй, короткий щелчок. Она слышала его тысячи раз. Раньше этот звук означал, что Константин вернулся домой. Сегодня впервые означал, что человек из переписки сейчас войдёт в комнату.

Алла схватила планшет. Куда его положить? Он обычно лежал на стеллаже. Она встала слишком резко, ударилась коленом о край стола, зашипела от боли и успела вернуть устройство на место буквально за несколько секунд до того, как муж открыл дверь в гостиную.

— Ты уже дома, — сказал Константин.

Он выглядел как всегда. Именно это оказалось самым чувствительным. На нём было тёмное пальто, волосы немного намокли от дождя, на лице лежала усталость. В левой руке он держал букет светлых хризантем, завернутых в бумагу. Не розы. Алла не любила розы и когда-то давно объяснила ему, что хризантемы пахнут настоящей осенью, а розы в целлофане — похоронами богатого человека. Константин запомнил.

Конечно же, запомнил.

— Да, — ответила Алла и только потом поняла, что стоит посреди комнаты с собственным телефоном в руке. Она быстро погасила экран. — Мероприятие закончилось раньше, чем ожидала.

Константин снял пальто и положил ключи на тумбу. Он не заметил ничего странного. Или заметил, но пока не придумал значения. В их браке Алла всегда была той, чьи эмоции занимали больше места, поэтому её бледное лицо, красные глаза и нервные руки вполне укладывались в привычную картину вечера.

— Я взял тебе цветы, — произнёс он, подходя ближе. — Там возле работы ещё открыт тот маленький магазин. Представляешь, женщина уже почти дверь закрывала, я её уговорил.

Алла посмотрела на букет. «Я куплю цветы».

Три слова из переписки стояли между ними гораздо от-

чётливее самого букета.

— Спасибо, — сказала она.

Голос не дрогнул. Алла даже удивилась. Внутри всё ощущалось как огромная комната после взрыва, а снаружи она просто поблагодарила мужа за цветы.

Константин протянул букет и слегка нахмурился, когда она не взяла его сразу. Потом Алла всё-таки заставила пальцы сомкнуться вокруг шуршащей бумаги. Цветы пахли влажной зеленью и холодом улицы. Раньше этот запах понравился бы ей.

— Ты плакала? — спросил Константин, всматриваясь в лицо.

Алла почувствовала, как где-то под рёбрами становится холодно. Вот оно. Следующая часть инструкции.

— Немного, — ответила она, опустив глаза на цветы. — День тяжёлый.

Константин вздохнул. Не раздражённо. Наоборот, очень мягко. Он подошёл ближе, положил ладонь ей на плечо, большим пальцем провёл по ткани кофты, словно хотел успокоить именно прикосновением. Алла знала эту руку двадцать два года. Знала маленький шрам у основания большого пальца, оставшийся после ремонта в их первой квартире. Знала, как эта ладонь лежит у неё на спине во сне. Знала привычное тепло кожи.

Теперь знала и то, что несколько минут назад эта рука печатала: «Как обычно».

— Я вижу, как тебе нелегко последнее время, — сказал Константин, и лицо его было серьёзным, внимательным, почти виноватым. — Правда вижу, Алл. Может, я сам слишком дёрганный, слишком резко отвечаю. Сегодня никаких разговоров, ладно? Тебе нужно просто отдохнуть. Прими душ, ляг, я сам что-нибудь сделаю поесть.

Алла смотрела на мужа.

Именно такого отношения она хотела.

Несколько дней назад написала Ладе, что иногда мечтает не о признаниях и не о подарках, а чтобы Константин хоть раз просто увидел её усталость и не заставлял объяснять её словами. Она почти дословно написала: «Хочу, чтобы он сам однажды сказал: я вижу, что тебе тяжело, иди отдыхай, я разберусь».

Теперь он сказал.

Алла вдруг почувствовала странное желание рассмеяться. Не весело, конечно. Такой смех иногда появляется в моменты, когда действительность становится настолько наглой, что обычной реакции на неё уже недостаточно. Она прикусила внутреннюю сторону щеки, почувствовала боль и удержалась.

— Хорошо, — произнесла она тихо. — Я действительно устала.

Константин улыбнулся, явно принимая её ответ за маленькую победу. Наклонился и привычно поцеловал в висок. Его губы коснулись кожи ровно там, где он целовал её сотни

раз — перед уходом, после ссор, утром, когда спешил. Алла не отстранилась. Всё тело хотело сделать это, но она осталась неподвижной.

Муж прошёл на кухню, включил свет, открыл холодильник и почти сразу возмутился:

— Ты опять ничего не ела? — спросил он громче, уже оттуда. — Алла, ну сколько можно жить на кофе? Там творог стоит нетронутый с утра.

Она закрыла глаза.

Даже Галина Петровна сегодня сказала про этот творог.

Какая смешная, маленькая, совершенно обыкновенная жизнь. Люди спрашивают, ела ли ты, покупают цветы, ругаются из-за поздних возвращений. Где-то внутри этой жизни муж спит с другой женщиной, а потом вместе с ней отвечает тебе от имени подруги.

Алла поставила букет на стол, не распаковывая.

— Я сейчас поставлю цветы в воду, — сказал Константин, вернувшись в гостиную. Он заметил, что она так и стоит на месте, и чуть нахмурился. — Ты чего?

Вот здесь было опасно.

Всего один вопрос. Можно было сказать всё. Прямо сейчас. Подойти к стеллажу, взять планшет, открыть переписку и спросить: кто такая Кира? Кто такая Лада? Сколько раз ты писал мне от её имени? Когда именно решил, что моя голова — это комната, куда вы можете входить вдвоём без разрешения?

Алла посмотрела ему в глаза.

Константин был готов к её боли. Вот что она внезапно поняла. Готов лучше, чем любой муж должен быть готов к боли жены, потому что больше года читал инструкции к ней. Он знал, чего она боится, какими словами её успокаивать, когда дать пространство, когда обнять, когда перевести разговор в шутку. Если сейчас Алла заговорит, он будет иметь перед ней огромное преимущество. Не потому, что умнее. Потому что тайно прочитал всё, что она сама о себе ему никогда не рассказывала.

Эта мысль удержала её лучше всякого здравого смысла.

— Голова разболелась, — ответила Алла, коснувшись виска. — Наверное, из-за слёз.

— Вот поэтому я и говорю: хватит сегодня себя мучить, — Константин забрал цветы и направился на кухню. — Иди в душ. Я сделаю чай.

Он говорил спокойно, заботливо, почти нежно.

Алла смотрела ему вслед.

На кухне зашумела вода. Константин достал вазу из нижнего шкафа, ту самую прозрачную, которую они купили много лет назад после очередного её дня рождения. Хризантемы легли на стол, бумага зашуршала под его руками. Алла знала каждое движение мужа. Знала, где он поставит вазу. Знала, что подрежет стебли кухонным ножом, хотя она всегда просила использовать ножницы. Знала, что потом забудет вытереть каплю воды со столешницы.

Она действительно знала его.

Только, как оказалось, совсем не так хорошо, как он знал её.

Алла взяла свой телефон и прошла в ванную. Закрывает дверь на защёлку, чего почти никогда не делала, включила воду, чтобы муж не слышал, и открыла сохранённое видео. Запись была на месте. Все сообщения, все имена, фотография Киры, фраза «зато эффективный». Алла быстро загрузила файл в облачное хранилище, пароль от которого Константин не знал. Потом, подумав, отправила копию на старую рабочую почту, которой муж никогда не пользовался.

Только после этого она положила телефон на стиральную машину и посмотрела на себя в зеркало.

Лицо было обычным. Опухшие глаза, чуть размазанная тушь, тонкие морщинки возле губ. Женщина сорока пяти лет после тяжёлого рабочего дня. Никаких признаков того, что двадцать минут назад её жизнь раскололась надвое. Алла провела пальцем под глазом, стирая остаток туши, и вдруг вспомнила одно сообщение Лады, отправленное месяцев шесть назад: «Тебе нельзя проверять каждый жест мужа на предмет обмана, иначе однажды даже настоящая любовь покажется тебе постановкой».

Она тогда сохранила эту фразу.

Даже перечитывала.

Алла опустила руки на край раковины и медленно наклонилась к зеркалу. Внутри снова начинало подниматься что-

то похожее на слёзы, но на этот раз она не позволила им выйти. Не из гордости. Просто сегодня уже достаточно. Они видели её плач слишком много раз.

На кухне Константин поставил чайник. Сквозь шум воды Алла слышала его шаги, потом звук открывшегося шкафа. Муж готовил ей чай, купил цветы и наверняка был совершенно уверен, что вечер складывается хорошо.

Пусть.

Алла выпрямилась и посмотрела на собственное отражение ещё раз.

Лада получит ответ завтра.

Константин тоже.

Только ни один из них пока не узнает настоящую Аллу.

Глава 2. Женщина, которой никогда не было

Константин уснул около половины первого, почти сразу после того, как лёг. Алла поняла это не по дыханию — двадцать два года рядом с одним человеком учат различать сон и притворное молчание куда точнее любого прибора, — а по левой ноге, которую муж неизменно вытягивал поверх одеяла, когда окончательно расслаблялся. Сейчас босая ступня торчала наружу, чуть свесившись с края кровати, а рука Константина лежала на подушке между ними. Если бы Алла повернулась на правый бок, их пальцы почти соприкоснулись бы. Обычно она так и делала, иногда даже во сне искала его ладонь и просыпалась уже с переплетёнными пальцами, но этой ночью лежала на самом краю своей половины постели, лицом к окну, будто между ними находился не пустой кусок матраса шириной в полметра, а глубокий ров, который кто-то успел выкопать за те двадцать минут, пока она смотрела чужую переписку на старом планшете.

За окном моросил дождь. Капли ударялись о металлический отлив с нерегулярным, раздражающим звуком, и Алла несколько раз пыталась уловить в этом ритм, чтобы отвлечься от собственного сознания. Не получалось. Стоило закрыть глаза, перед ней появлялся экран: имя Киры, свет-

лые буквы на тёмном фоне, пересланные сообщения, которые она сама печатала Ладе, и короткое Константиново «зато эффективный». Приходилось открывать глаза и смотреть на шкаф напротив кровати, на знакомую полосу света из прихожей, на рубашку мужа, небрежно брошенную поверх кресла. Обыкновенная спальня обыкновенной семейной пары, состоящей в браке почти половину человеческой жизни. Никаких следов преступления. Даже хризантемы стояли на кухне в вазе, аккуратно подрезанные тем самым ножом, которым Константин всегда резал хлеб, яблоки и почему-то цветочные стебли, хотя Алла годами просила не тупоумничать и пользоваться ножницами.

Он действительно приготовил ей чай. Действительно заставил съесть половину бутерброда, стоял рядом, пока она жевала через силу, и недовольно говорил, что никакая работа не стоит гастрита. Потом спросил, не хочет ли она выпить таблетку от головы. Ни одного раза не посмотрел на неё так, будто опасался разоблачения, и Алла с пугающей ясностью поняла: он не играет в человека, которому нечего скрывать. Для Константина нынешний вечер был совершенно обычным. Жена снова расстроилась, любовница помогла выбрать правильный способ её успокоить, цветы сработали, скандала удалось избежать — можно спать. Если у совести существовал внутренний голос, у её мужа тот, очевидно, давно говорил шёпотом или вообще перешёл на письменное общение.

Алла осторожно повернулась на спину. Матрас слегка

просел, Константин шевельнулся, втянул воздух глубже, но не проснулся. Она замерла, глядя в потолок, и вдруг увидела перед собой совсем другой вечер, почти годичной давности. Тогда он тоже спал рядом. Только Алла сидела на кухне перед домашним ноутбуком и впервые в жизни писала о собственном браке незнакомым людям.

До того вечера она несколько месяцев обходилась без посторонней помощи. В сущности, ничего такого не происходило, что невозможно было бы объяснить. Константин стал чаще задерживаться — человеку сорок семь лет, у него работа, встречи, какие-то свои дела. Стал реже звонить — двадцать два года брака, нельзя же до старости отчитываться, кто вышел из офиса и сел в машину. Перестал рассказывать половину тех мелочей, которые раньше приносил домой вместе с ключами и рабочей сумкой: кто поругался на совещании, где отвратительно кормят, кого встретил на парковке. Алла сперва даже не замечала исчезновения этих подробностей. А потом в один момент обнаружила, что знает о дне мужа меньше, чем администратор о случайном артисте, который приехал на один вечер.

Она пробовала разговаривать. Сначала осторожно, по-дурачки заботливо, будто вопрос о собственном браке требовал специального разрешения.

— Кость, у тебя всё нормально? — спросила однажды Алла за ужином, когда он почти не притронулся к еде и всё время поглядывал в телефон. Она тогда выкладывала запе-

чёрные овощи на тарелку и старалась говорить без всякого подтекста, хотя сама прекрасно слышала его в собственном голосе. — Ты последнее время какой-то совсем далёкий. Я не про работу даже, а вообще.

Константин поднял глаза не сразу. Телефон перевернул экраном вниз, что само по себе тогда ничего не значило, и слегка нахмурился, будто пытался понять, что именно жена от него хочет.

— Устал просто, Алла, — ответил он, потирая пальцами переносицу. — У всех бывают периоды, когда человек устал. Не обязательно из каждой моей паузы вытаскивать проблему.

Она тогда сразу извинилась. Не потому, что чувствовала себя виноватой, а потому, что разговор уже начал идти в ту сторону, которую Алла ненавидела: ещё несколько фраз, и они будут спорить не о том, почему Константин отдалился, а о её праве это заметить. За годы брака оба научились обходить опасные темы совершенно разными способами. Алла старалась говорить мягче. Константин умел сделать так, чтобы сам факт разговора показался ненужным.

Несколько недель спустя появился первый настоящий повод для тревоги. Он вернулся после полуночи, хотя утром сказал, что никаких встреч не намечается. Алла звонила два раза, потом ещё раз, получила сообщение «занят, позже», а в половине первого услышала ключ в двери. Константин вошёл почти весёлый, что раздражало сильнее опоздания.

Снял пальто, вымыл руки, спросил, почему она не спит, и только тогда, увидев её лицо, понял, что привычного «всё хорошо» сегодня не получится.

— Где ты был? — спросила Алла. Она сидела на кухне в халате, перед ней стояла кружка давно остывшего чая, а на столе лежала книга, которую она за последние два часа так и не смогла открыть дальше одной страницы. — Я не спрашиваю, с кем и зачем. Просто где ты был, если утром сказал, что после работы домой?

Константин остановился у холодильника. В ту ночь на нём была новая тёмная рубашка, и Алла запомнила её совершенно случайно — потом эта рубашка будет всплывать в памяти ещё не раз.

— Господи, Алла, с ребятами сидели, — ответил он и открыл холодильник, хотя есть явно не собирался. — У Сергея там какая-то история, заехали ненадолго. Телефон почти сел.

— Ты мог написать.

— Я написал.

— «Занят, позже» — это не совсем то же самое, что «я с ребятами и буду после двенадцати», — сказала она, понимая, что уже звучит раздражённо, и ненавидя собственный голос за это. — Я просто не знала, что случилось.

Он закрыл холодильник несколько резче, чем требовалось, и повернулся к ней. В лице Константина появилось то самое выражение — не гнев, не агрессия, а усталая доброже-

лательность человека, вынужденного объяснять очевидное тому, кто почему-то отказывается понимать.

— Алл, мне сорок шесть лет, — произнёс он тогда. — Я не подросток, который должен отправлять матери геолокацию каждые полчаса. Ты же понимаешь, что вот это всё уже немного ненормально?

И снова разговор закончился тем, что Алла сама стала думать о собственной ненормальности. Именно той ночью, когда Константин уснул, она открыла ноутбук.

Алла сейчас помнила даже кружку, стоявшую возле клавиатуры. Белая, с нарисованной синей кошкой, подаренная кем-то из коллег на Восьмое марта. В кружке был чай с лимоном, который она так и не выпила. Домашний ноутбук стоял на кухне постоянно, потому что его давно заменили новым рабочим, а старый использовали оба: Алла — чтобы искать рецепты или смотреть фильмы, Константин — когда не хотелось тащить собственный компьютер из машины. Никаких секретов внутри вроде бы не существовало, поэтому отдельные учётные записи никто не заводил. Какая прекрасная была жизнь у людей, которым нечего друг от друга скрывать.

Форум она нашла через поисковик. Вбила что-то униЗИтельно банальное вроде «муж стал холодным и поздно приходит домой», прочитала несколько статей, потом случайно перешла по ссылке на женское сообщество. Там были тысячи историй. Одни женщины узнавали о любовницах после двадцати лет брака, другие выясняли, что муж много лет

имел вторую семью, третьи подозревали измену и потом обнаруживали совершенно другую проблему. Алла читала почти час и постепенно почувствовала странное облегчение от того, что чужое несчастье не требует от неё никакого решения. Можно было просто сидеть, листать и понимать: вот эта женщина тоже не знала, что делать. И эта. И ещё одна. Взрослые разумные люди почему-то тоже оказывались беспомощными перед собственными мужьями.

Писать она не собиралась. Просто зарегистрировалась под случайным именем, которое теперь даже не могла вспомнить, и несколько раз начинала новую тему, а потом закрывала окно. В третий или четвёртый раз всё-таки оставила текст. Имена изменила, город не указала, профессию ни свою, ни Константина не называла. Написала только возраст, двадцать два года брака, отсутствие детей и то, что последний год муж стал вести себя иначе. Упомянула ту ночную ссору, поздние возвращения, телефон экраном вниз. И ещё зачем-то рассказала про их летнюю поездку, когда Константин внезапно раздражался всякий раз, если она брала его телефон, чтобы посмотреть фотографии.

Этой детали оказалось достаточно.

Теперь Алла понимала это настолько ясно, что хотелось ударить себя ладонью по лбу. Константин увидел открытый форум на домашнем ноутбуке. Возможно, она даже не вышла из аккаунта. Прочитал историю, узнал двадцать два года брака, ту поездку и собственную фразу про геолокацию.

Никакого расследования не требовалось. Она сама оставила дверь открытой и ушла спать.

Тогда же, почти год назад, первой под публикацией появилась женщина с именем Лада.

«Мне кажется, вы сейчас слишком торопитесь выбрать между двумя крайностями: либо всё идеально, либо у мужа любовница», — написала она. «Между ними существует огромная территория обычной семейной усталости. Я сама едва не разрушила брак, когда решила, что муж мне изменяет. Если захотите поговорить без публичных советчиков, можете написать мне в личку».

Алла запомнила комментарий потому, что он отличался от остальных. Кто-то уже посоветовал немедленно проверить телефон, кто-то объявил Константина стопроцентным изменником, женщина с фотографией кота написала, что после сорока «все мужики начинают беситься», а ещё одна участница уверенно рекомендовала разводиться, потому что «если кажется, то не кажется». Лада ничего не знала наверняка. Именно поэтому её слова прозвучали разумнее прочих.

Алла написала в личные сообщения на следующий вечер. Сначала почти формально поблагодарила, затем спросила, почему Лада решила, что у неё была похожая история. Ответ пришёл минут через двадцать. Женщина рассказала о собственном браке — без имён и конкретных мест, но достаточно подробно, чтобы история казалась живой. Муж якобы то-

же отдалился после многих лет вместе, стал чаще задерживаться, а Лада решила, что появилась другая. Она проверяла карманы, пыталась читать переписку, однажды даже поехала следом за ним и потом долго стыдилась собственного поведения. Измены, по её словам, не оказалось: муж переживал тяжёлый период, скрывал серьёзные проблемы и не хотел переносить их домой. Они едва не расстались, но сумели восстановить отношения.

Сейчас, лежа рядом со спящим Константином, Алла впервые задумалась, существовала ли вообще эта история. Существовал ли муж Лады. Был ли кризис, слежка, примирение. Возможно, Кира сочинила всё за пять минут, а Константин сидел рядом и подсказывал детали. Может быть, часть биографии принадлежала Кире самой, только муж в ней был чужой. Или Константин пересказал их собственную жизнь, немного переставив роли. Алла вдруг поймала себя на том, что пытается представить двух людей перед экраном: Кира печатает, Константин смотрит через плечо. Это вызвало такую резкую волну тошноты, что она села на кровати.

Муж шевельнулся.

— Ты чего? — спросил он сонно, не открывая глаз. Голос был хриплым, совершенно беззащитным после сна, и от этого Алле на мгновение стало особенно трудно смотреть в его сторону. — Голова опять?

— Воды хочу, — ответила она, спуская ноги на пол. Алла говорила тихо, стараясь не дать голосу сорваться, а Кон-

стантин только что-то невнятно пробормотал и повернулся на другой бок. Через несколько секунд его дыхание снова стало ровным.

Она вышла на кухню и закрыла за собой дверь не полностью, оставив узкую щель. Свет включать не стала. Достаточно было лампы над вытяжкой, которую Константин почему-то всегда оставлял на ночь. Хризантемы стояли посреди стола. Алла обошла их, налила воду и выпила сразу половину стакана, потом поставила его слишком резко и несколько капель попали на столешницу. Рядом лежал нож, которым муж подрезал цветы. Стебли в вазе были срезаны аккуратно, под углом. Даже здесь он умудрился сделать всё правильно.

Телефон Алла оставила в спальне. Возвращаться за ним не хотелось. Она села за стол, притянула к себе одну из хризантем и провела пальцами по влажному лепестку. Цветы ничего не сделали. Вряд ли разумно ненавидеть растения за то, что какой-то мужчина купил их согласно заранее обсуждённому плану. Но ставить букет в спальню она точно не станет.

Первое время Лада писала редко. Неделю они могли не общаться вовсе. Потом Алла рассказывала о какой-нибудь ссоре, получала несколько ответов и снова исчезала. Именно отсутствие постоянного внимания создавало ощущение нормальности. Никто не караулил её у экрана, не вытягивал подробности, не расспрашивал о Константине без повода. Лада никогда первой не начинала с: «Ну что там твой муж?»

Тогда это казалось деликатностью.

Однажды, примерно через месяц после знакомства, Алла предложила созвониться. Не потому, что подозревала ложь. Просто они уже много переписывались, а ей стало любопытно услышать голос человека, которому она рассказывает такие вещи. Лада отказалась мягко и даже немного неловко. Написала, что после прежнего опыта принципиально не переводит анонимные знакомства в реальную жизнь.

«Я как-то уже поверила одной женщине из такого сообщества», — объяснила Лада. «Через несколько месяцев выяснилось, что она нашла меня в соцсетях, вычислила мужа и потом в ссоре разослала мои сообщения знакомым. Наверное, звучит параноидально, но я больше не смешиваю два мира. Здесь я могу быть честной именно потому, что ты никогда не придёшь ко мне домой».

Алла тогда ответила, что понимает. Даже испытала некоторое уважение к чужой границе. Она сама тоже не хотела показывать лицо, называть фамилию, сообщать место работы. Им было удобно существовать друг для друга без внешности, голоса и бытовой биографии. Лада не знала, какая у Аллы квартира, как она одевается, сколько зарабатывает. Алла не знала, как выглядит Лада, есть ли у неё дети и в каком городе она живёт. Всё, что между ними существовало, казалось очищенным от обычной социальной шелухи. Только слова.

Теперь Алла тихо рассмеялась. Смех прозвучал на кухне

неприятно и сухо. Только слова. Какая роскошь — доверять словам, когда за ними сидят два человека, прекрасно знающие твою фамилию, адрес, спальню и то, какую сторону кровати ты выбираешь ночью.

Она поднялась и всё-таки вернулась в спальню за телефоном. Константин спал, повернувшись к её пустому месту, будто во сне искал привычное тепло. Алла остановилась возле кровати. Лицо мужа в темноте выглядело старше, чем днём: складка между бровями, светлая щетина на подбородке, морщина у глаза. Она помнила его двадцатипятилетним, почти без этих линий. Помнила смешную бороду, которую он однажды пытался отрастить и которая росла клочьями. Помнила, как он всю ночь сидел возле её матери в больнице, потому что Алла сама не могла войти в палату. Всё это невозможно было отменить одной перепиской, и именно поэтому хотелось не кричать, а выть.

Алла забрала телефон и снова вышла. На этот раз прихватила тонкий плед с кресла и устроилась в гостиной. Спать всё равно не получится. Она открыла форум, зашла в переписку с Ладой и начала листать вверх, уже не для того, чтобы искать доказательства. Доказательства лежали сохранёнными в облаке. Теперь она хотела понять другое: в какой момент человек, которого не существовало, стал для неё настолько важным.

Вот Лада впервые посоветовала не терпеть.

Тогда Константин отменил совместную поездку букваль-

но за день до выезда. Они собирались провести выходные за городом, Алла заранее попросила коллег подменить её на одном мероприятии, купила продукты, даже достала из шкафа дорожную сумку. Вечером Константин сообщил, что не сможет — появились дела. Алла взорвалась. Не из-за поездки самой по себе, а потому что за предыдущие месяцы это стало уже четвёртым их несостоявшимся планом.

«Я устала всё понимать», — написала она Ладе. «Он говорит, что работа, и я должна понять. Он устал — понять. Не хочет говорить — понять. Мне грустно — снова понять, что человек не обязан развлекать меня круглые сутки. Может, я правда слишком много хочу, но почему всё понимание в этой семье почему-то живёт только с моей стороны?»

Лада тогда не защищала Константина. Напротив, ответила почти резко: «Нет. Здесь он неправ. Если договорился — должен хотя бы признать, что подвёл тебя, а не вести себя так, будто ты предъявляешь претензию за погоду. Не сиди дома в выходные. Возьми Инну, сходите куда-нибудь, купи себе то, на что обычно жалеешь денег. Не в наказание ему, а потому что твои выходные не обязаны исчезать вместе с его планами».

Алла послушалась. Они с Инной уехали за город на один день, ели в маленьком кафе, ходили по мокрому лесу и смеялись над тем, что в сорок с лишним способны заблудиться в трёх соснах с навигатором. Вернувшись, Алла увидела на форуме сообщение Лады: «Ну что, мир не закончился без

мужа?»

Она тогда смеялась.

Именно такие моменты создали доверие. Если бы Лада с самого начала тянула её обратно к Константину, Алла не поверила бы. Но Лада поддерживала её самостоятельность там, где это ничего не меняло. Идите гулять. Купите платье. Не готовьте ужин, если устали. Проведите субботу отдельно. Возразите мужу, если он говорит грубо. Эти маленькие свободы стоили дёшево. В самых важных вопросах Лада неизменно становилась осторожной.

Когда Алла впервые написала, что подозревает измену, совет был другим.

Это произошло после истории с рубашкой. Константин вернулся под утро и пах не собой. Даже сейчас Алла помнила этот запах — свежий, цитрусовый, совершенно не похожий ни на их гель для душа, ни на его одеколон. Тогда она ждала мужа почти всю ночь, но, когда он вошёл, притворилась спящей. Константин тихо разделся, лёг рядом, и запах чужого шампуня ударил ей прямо в лицо. Через десять минут Алла всё-таки спросила, где он мылся.

Константин сначала не понял вопроса. Потом сказал, что после долгого вечера заехал в спортивный клуб, где иногда бывал с другом. Ответ прозвучал достаточно просто. Алла даже поверила на несколько минут, пока не спросила, с каким другом.

— Алла, ты серьёзно сейчас? — Константин сел на кроватку.

ти и включил ночник. — Четыре утра. Ты собираешься составлять список людей, с которыми я имею право принять душ после тренировки?

— Я не говорила «имею право», — ответила она, чувствуя, как внутри уже разгорается привычная паника от собственного неумения объяснить очевидное. — Просто от тебя пахнет чужим шампунем, ты вернулся в четыре утра, хотя сказал, что будешь до двенадцати. Мне кажется нормальным спросить.

— Тебе последнее время очень многое кажется нормальным, — произнёс Константин, выключая свет. — Спи. Завтра, если захочешь, устроим полноценный следственный эксперимент и понюхаем мои вещи.

Утром он был ласков. Приготовил кофе, поцеловал Аллу в плечо, сказал, что ночью действительно сорвался и не хотел обидеть. Она почти успокоилась. Но на работе, уже ближе к обеду, всё-таки написала Ладе: «Мне кажется, у него кто-то есть».

Лада отвечала долго. Сначала спросила, есть ли что-то кроме запаха и поздних возвращений. Алла перечислила телефон, отменённые планы, холодность. Тогда собеседница написала: «Это признаки того, что между вами есть проблема. Но проблема и любовница — не одно и то же. Если ты прямо сейчас решишь, что знаешь ответ, ты начнёшь подгонять под него всё подряд. Сначала попробуй поговорить не об измене, а о том, что вы отдалились».

Разумный совет.

Настолько разумный, что Алла последовала ему. Именно поэтому через несколько месяцев ещё не знала о Кире.

Она положила телефон на колени и посмотрела на пустую гостиную. В темноте мебель превращалась в крупные знакомые силуэты. Комод они покупали вместе. Диван выбирали целую субботу и потом ругались, потому что Константин хотел серый, а Алла — зелёный. Победил серый, но подушки она всё равно купила зелёные. На стене висела фотография из поездки в Казань, куда они выбрались несколько лет назад на длинные выходные. Дом не выглядел территорией человека, который готовился уйти. Наверное, именно поэтому она так отчаянно принимала объяснения Лады: любовница требовала бы признать, что весь этот устойчивый мир уже не принадлежит ей полностью.

Телефон снова оказался в руках. Алла листала дальше. Вот появилась Инна.

Подруга знала Константина почти столько же, сколько сама Алла. Они познакомились ещё до свадьбы, вместе отмечали дни рождения, ездили компаниями на дачу, несколько раз встречали Новый год. Инна никогда особенно не дружила с Константином, но и вражды между ними не было. После собственного развода она стала резче относиться к мужским оправданиям, и Алла иногда действительно ловила её на несправедливости. Поэтому, когда Лада однажды предположила, что Иннин опыт влияет на её советы, это не выгля-

дело манипуляцией.

Всё началось в кафе. Алла помнила дождь за окном, чашку капучино перед Инной и собственную раздражённую попытку объяснить, что Константин всего лишь стал больше работать. До того Алла сама жаловалась почти сорок минут, но стоило подруге назвать происходящее изменой, как почему-то захотелось защищать мужа.

— Ты сама себя слышишь? — спросила Инна, отодвигая чашку. Она говорила без издёвки, но достаточно прямо, чтобы Алла сразу напряглась. — Он приходит ночью, телефон постоянно экраном вниз, выходные куда-то исчезают, секс у вас раз в месяц, и каждый раз, когда ты спрашиваешь, тебя объявляют тревожной. Я не утверждаю, что знаю имя любовницы, но если мой холодильник начинает мяукать, я сначала ищу там кошку, а не объясняю себе особенности работы компрессора.

— Прекрасное сравнение, — огрызнулась Алла, хотя обычно эта Иннина манера ей нравилась. — Только Константин не холодильник, а я не эксперт по бытовой технике.

— Именно. Ты жена человека, который внезапно стал жить отдельную от тебя жизнь, — Инна наклонилась ближе, уже серьёзнее. — И я тебе не предлагаю немедленно подавать на развод. Я предлагаю перестать объяснять каждую странность вместо него.

Алла ушла из кафе раздражённой. В машине сразу написала Ладе, почти дословно пересказав разговор. Теперь, по-

сле увиденной переписки Киры с Константином, она знала, что произошло дальше с другой стороны экрана. Кира переслала рассказ мужу. Он попросил мягко напомнить о разводе Инны и о том, что чужой негативный опыт способен искажать восприятие.

Лада тогда написала: «Инна любит тебя и, скорее всего, искренне хочет защитить. Но человек после болезненного развода иногда начинает видеть знакомый сценарий повсюду. Просто помни об этом. Не нужно с ней ссориться, но и отдавать ей право решать, что происходит в твоём браке, тоже не стоит».

Опять разумно.

Особенно хитро было это «не нужно с ней ссориться». Никакого прямого приказа прекратить дружбу. Никакого злодейского «Инна тебе завидует». Только маленькое сомнение, аккуратно помещённое между двумя людьми.

Алла действительно не поссорилась с Инной. Просто перестала рассказывать ей о Константине. Потом стала реже встречаться, потому что разговоры всё равно возвращались к браку. Инна несколько раз звонила сама, приглашала куда-то, а Алла отказывалась: работа, устала, дела. Через полгода они общались уже преимущественно короткими сообщениями и поздравлениями.

Лада в это время оставалась рядом.

Вот ещё одно сообщение: «Как ты сегодня?»

И ещё: «Ты вчера совсем пропала, надеюсь, просто усну-

ла».

И другое, после тяжёлого мероприятия: «Не обсуждай с ним ничего сегодня, ты еле стоишь. Сначала поешь».

Алла читала и пыталась понять, где Кира, а где Константин. Теперь различия казались очевидными, но она прекрасно знала, что это обман задним числом. Когда знаешь ответ, любая мелочь начинает казаться подсказкой. Некоторые сообщения были мягче, некоторые суше. Где-то появлялась смешинка. Где-то Лада выражалась словами, которые Константин действительно любил употреблять. Алла однажды даже заметила похожую фразу и пошутила: «Вы бы с моим мужем нашли общий язык». Лада ответила смеющимся значком.

Алла закрыла глаза.

Они, наверное, тоже смеялись.

Вот этого нельзя было представлять. Нельзя. В голове тут же появлялась Кира с фотографии, сидящая рядом с Константином, оба смотрят в телефон, читают Аллино признание о том, как ей страшно стареть рядом с мужчиной, который перестал прикасаться к ней без причины. Потом обсуждают ответ. Может быть, едят. Может, лежат в постели. Может, Кира читает вслух. Слишком много «может быть», и каждое причиняло боль без всякого доказательства.

Алла резко встала и прошлась по комнате. Часы на стене показывали почти три. Через четыре часа прозвенит будильник. Константин встанет, примет душ, будет искать чистую

рубашку, спросит, не видела ли она ремень. Их утро должно продолжиться, как будто ничего не произошло.

В ванной Алла умыла лицо холодной водой. Потом открыла шкафчик, долго смотрела на две зубные щётки в одном стакане и внезапно поймала себя на желании выбросить его щётку в мусор. Желание было таким детским, что она даже усмехнулась. Вот оно, великое возмездие за годовую измену и проникновение в голову жены: выбросить зубную щётку. Константин утром купит новую и даже не поймёт.

Она вернулась в гостиную. Спать решила здесь, но потом поняла, что это будет первым явным изменением. Константин утром спросит, почему она ушла. Алла не была готова отвечать. Поэтому снова легла рядом с ним.

Несколько минут лежала неподвижно, затем муж сам, не просыпаясь, придвинулся ближе. Его ладонь легла Алле на талию поверх одеяла. Она вздрогнула всем телом. Раньше этот бессознательный жест успокаивал сильнее любых слов. Константин во сне часто искал её, и Алла считала это почти доказательством: как бы они ни ругались днём, тело мужа помнит, где она.

Теперь его рука казалась тяжёлой.

Алла осторожно сняла ладонь с себя и положила на матрас. Константин недовольно выдохнул, но не проснулся. Она отвернулась к окну и вспомнила, как однажды рассказала Ладе именно об этой привычке.

Это было после особенно плохой недели. Константин по-

что не разговаривал, три вечера отсутствовал, а потом ночью во сне обнял Аллу. Она написала утром: «Наверное, глупо, но пока он ищет меня во сне, я всё ещё думаю, что не всё потеряно».

Лада ответила: «Это не глупо. Тело часто честнее нас».

Алла прижала кулак ко рту.

Кто это написал?

Кира?

Константин?

Неужели он лежал рядом, обнимал её во сне, а утром прочитал сообщение и собственноручно написал жене, что его тело честнее его самого?

Эту мысль Алла уже не выдержала. Она встала с кровати второй раз, дошла до ванной и там, закрыв дверь, тихо вырвала в раковину. В желудке почти ничего не было, только чай и тот несчастный бутерброд, которым Константин заботливо накормил её вечером. Несколько минут Алла стояла, опираясь обеими руками о края раковины, потом прополоскала рот и посмотрела в зеркало.

— Всё, — тихо сказала она собственному отражению и сама услышала, насколько бессмысленно прозвучало слово. Что именно «всё» — ночь, брак, воспоминания, возможность верить хоть одному сообщению за последний год? Ответа не было, поэтому Алла умылась и вернулась.

Под утро она всё-таки задремала. Сон получился тяжёлым и странным. Ей снилось, будто она сидит в пустом зале куль-

турного центра, а на сцене стоит женщина без лица и читает вслух сообщения из телефона. Константин сидит в первом ряду и иногда поднимает руку, поправляя текст. Алла пытается встать и уйти, но каждый раз обнаруживает, что кресла вокруг соединены между собой одной длинной цепью. Сон не был особенно страшным, скорее нелепым, однако проснувшись она от собственного резкого вдоха и несколько секунд не понимала, где находится.

В комнате было серо. Дождь закончился. Электронные часы показывали семь двадцать две, будильник должен был звонить через восемь минут. Константин ещё спал.

Алла лежала и смотрела на него.

Самое ужасное заключалось в том, что желание коснуться мужа никуда не исчезло полностью. Она ненавидела себя за это почти так же сильно, как его. Хотелось провести ладонью по волосам, как делала утром иногда. Хотелось разбудить и спросить: зачем? Хотелось услышать объяснение, которое каким-то невозможным способом превратит всё увиденное в ошибку. Человек способен узнать правду вечером и всё равно проснуться утром с надеждой, что за ночь она перестала быть правдой.

Будильник зазвонил.

Константин мгновенно поморщился, нащупал телефон и выключил звук. Потом открыл глаза, увидел Аллу и сонно улыбнулся.

— Ты вообще спала? — спросил он, приподнимаясь на

локте. Его взгляд задержался на её лице, и в нём появилась настоящая тревога. — Выглядишь ужасно, прости за честность.

— Спасибо, — ответила Алла, чувствуя почти облегчение от того, что обычное Константиново замечание хотя бы не было вытащено из переписки. — Спала плохо. Голова всю ночь болела.

Муж потянулся к ней и приложил ладонь ко лбу, будто проверял температуру. Алла позволила. Ей самой было любопытно, получится ли теперь различать настоящее и расчитанное. Не получилось. Ладонь была тёплой, взгляд внимательным, движение привычным.

— Может, дома останешься? — спросил Константин. Он убрал руку и сел на кровати, потирая глаза. — У тебя же вроде сегодня ничего критичного.

— Есть дела, — ответила Алла и тоже поднялась. — Ничего страшного, выпью кофе.

— Опять кофе, — проворчал муж, направляясь в ванную. Уже у двери он обернулся и добавил с лёгкой улыбкой: — Я вечером постараюсь пораньше. Договорились?

Алла кивнула.

Через десять минут вода шумела в ванной, а она стояла на кухне и смотрела на хризантемы. За ночь цветы раскрылись ещё сильнее. На столе рядом лежал телефон. Экран вдруг загорелся от уведомления.

Лада.

Алла не прикоснулась к телефону сразу. Налила себе воду, выпила несколько глотков, поставила стакан. Потом всё-таки открыла сообщение.

«Доброе утро. Как ты? Помог вчера разговор?»

Ниже почти сразу появилось второе.

«Константин приехал с цветами?»

Алла застыла.

Не «вы поговорили?». Не «тебе стало легче?». Цветы.

Конечно, Кира знала про цветы. Она видела сообщение: «Я куплю цветы». Возможно, сидела где-нибудь вечером и ждала отчёта о том, насколько хорошо сработал их маленький план.

В ванной перестала шуметь вода.

Алла слышала, как Константин открывает шкафчик, как что-то падает на пол и он тихо ругается. Через минуту выйдет. Времени на настоящую реакцию не было, да она и не собиралась её отдавать.

Пальцы неожиданно перестали дрожать.

Алла открыла клавиатуру и написала: «Да. Привёз хризантемы. Мы поговорили немного. Ты была права, я опять накрутила себя сильнее, чем нужно. Он сам заметил, что мне тяжело, сказал отдыхать и даже сделал чай. Мне сегодня немного стыдно за вчерашнее».

Она перечитала.

Получилось убедительно. Даже слишком. Именно такие сообщения Алла отправляла Ладе прежде после примире-

ний с мужем.

Дверь ванной открылась. Константин вышел в коридор в полотенце, вытирая вторым волосы.

— Ты чайник включила? — спросил он, заглядывая на кухню. — Я кофе сделаю. Тебе покрепче?

— Сделай, — ответила Алла и нажала «отправить».

Лада прочитала почти сразу.

Три точки появились внизу экрана, исчезли, появились снова. Алла стояла возле кухонного стола, держа телефон в ладони, пока муж рядом насыпал кофе в турку и что-то рассказывал о погоде. До неё долетали отдельные слова: обещали дождь, вечером холоднее, надо достать другой плащ. Обычная утренняя речь человека, с которым прожита половина жизни.

Ответ Лады пришёл через минуту.

«Ну вот. Я же говорила, что иногда страх становится громче реальности. Не ругай себя. Главное — не начинай сегодня снова разбирать вчерашний вечер по кусочкам. Просто дай себе пожить спокойно».

Алла читала сообщение, пока Константин стоял к ней спиной.

Он достал две чашки. Себе взял синюю со сколом, ей — белую с маленькими ветками, которую Алла любила последние годы. Поставил их рядом. Потом обернулся.

— Чего там? — спросил он совершенно буднично, заметив телефон в её руке.

Раньше Алла ответила бы правду. Лада пишет. Та самая женщина, которой она доверяет. Может быть, даже улыбнулась бы и пошутила, что подруга опять пытается привести её голову в порядок.

Теперь она выключила экран.

— По работе, — сказала Алла.

Константин кивнул и больше не спросил.

Это было первое настоящее враньё, которое она произнесла мужу после вчерашнего вечера. Маленькое, почти ничтожное. Станным образом оно не принесло ни стыда, ни удовольствия. Только ясность.

Лада больше не была человеком, которому Алла будет рассказывать о своей жизни.

Константин тоже пока не узнает, что она думает.

Кира может задавать вопросы, муж может читать ответы, они могут сидеть рядом или в разных концах города и обсуждать, насколько хорошо Алла успокоилась после цветов. Пусть обсуждают. Пусть строят выводы. Пусть считают, что всё работает так же, как работало целый год.

Алла убрала телефон в карман домашней кофты и взяла чашку, которую поставил перед ней муж. Кофе был горячим, крепким и именно таким, как она любила. Константин прекрасно знал, сколько ложек ей нужно, как долго держать турку на огне и что сахар она не кладёт уже много лет.

Он действительно многое о ней знал.

Но с этого утра настоящих мыслей Аллы Вершининой

среди этого знания больше не будет.

Глава 3. Идеальный муж по инструкции

К девяти утра Алла успела трижды передумать устраивать проверку. Первый раз — ещё дома, когда Константин стоял возле зеркала в прихожей и пытался одной рукой застегнуть часы, а другой удерживал тел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.